

УПАДУТ ИЛИ ОСТАНУТСЯ ЖИВЫ?

ДМИТРИЙ
МИНЧЕНКО

Я помню, цирк моего детства манил меня четырьмя вещами: стреляющим звуком бича, во-вторых, - рычанием львов, которое сменялось третьим - белыми чулками и блестящим золотом туфель клоунов, тараторящих что-то на своем тарбарском наречии. И, наконец, четвертым - клоуны давали друг другу пощечины, которые звенели на весь цирк, как медные тарелки.

Самым вкусным из всех этих блюд было первое - стреляющий бич. Как это получалось у взрослых дядей в роскошных кафтанах, расшитых золотом, я до сих пор не понимаю. Но сам звук был для меня чем-то сродни денег для банкира.

Цирк начинался и заканчивался этим щелчком.

А потом из того, что потрясало, но дома при пересказе взрослым, которые в цирк не ходили, но хотели от тебя, маленького, узнать все подробности, и что обязательно упускалось, зато снилось, - была совершенно невообразимая пирамида, собранная из разных людей, одетых в полосатые трико и обходящихся в разговоре друг с другом только тремя словами: «Алле», «Опп» и «Хай», что казалось почти мистическим доказательством их марсианского происхождения.

Самое главное средство от разочарования, которое излечивало любую грусть, - был цирковой туш.

За один такой туш можно было прозакладывать все свои игрушки. Даже мамино колечко с бриллиантом.

Может быть, с тех самых пор я люблю приключенческие романы, потому что в музыке циркового оркестра пафос музыкантов сопоставим с мужеством одинокого туземного воина, с копьем наперевес идущего в атаку на вооруженную ружьями армию противника.

Блестящий карбункул, который сияет фальшивым блеском поддельного бриллианта, - это тоже для меня цирковой туш.

Это не была в настоящем смысле музыка, потому что даже тогда я мог догадываться, что и музыканты дуют громче,

чем надо, и не всегда точно попадают в ноты, но ведь это было не важно - пафос, с которым они это делали, был сопоставим только с пафосом швейцара, открывающего дверь миллионеру. И миллионер всегда проигрывал в важности. Точно так же Симфонический оркестр Большого театра проигрывал оркестру передвижного цирка.

Когда из открытых дверей цирка доносился туш, а ты проходил с мамой мимо, - ты понимал, что жизнь проносится мимо тебя со скоростью марша. И это было более печально, чем проносящийся мимо тебя поезд, в котором ехал не ты.

Боже мой... Если вы когда-нибудь ехали летом в поезде на юг.

Это сопоставимо с тем, что вы когда-нибудь в детстве бывали в цирке.

Очень важный момент - не знаю почему, - может быть, такой же важный, как сам смертельный номер, в котором никто не умирает, - это аплодисменты. Я понимал, что это зарплата, которую зритель платит артисту. Иногда как скупердяди.

Я старался быть щедрым из всех сил.

Номер окончен, раздаются аплодисменты, и на арену, все окутанные клубами пара, высказывают полуголые люди, потрясающие своей мощью, ростом и красотой.

По крайней мере, так до моих пяти лет мне казалось.

Ах да, и наконец, фургончики, в которых артисты жили.

Вот это было да! Выстроенные в ряд, они казались уютнее и просторнее самых сказочных дворцов американских миллионеров. В них невозможно было попасть, но чем невозможнее было, тем сильнее хотелось.

Если бы меня спросили, чем они все-таки были, я бы ответил: цилиндром фокусника, в котором происходят чудеса. Я верил, что именно там кролик превращается в розу.

Я выскажу крамольную мысль: то, что нас привлекает в цирке, по существу, в самой его метафизике, было связано со смертью или исчезновением человека.

Вы когда-нибудь были в цирке через десять минут после того, как оттуда вышел последний зритель? Это тоска! Импрессионизм. Из всех видов грусти - это самая грустная. Яркий желтый свет освещает все как днем, но при этом все пространство закутано дымкой. Такое ощущение, что вам показывают собственную старость. Стропы, по которым полчаса назад взбирались люди и от которых зависела жизнь артистов, бесильно повисли на ужасных крюках, которые впились в их тело. Эти десятки строп, лонжей, страховок, канатов, перлов и перекладин кажутся озябшими на морозе белочками и синичками, такие же жалкие.

Еще десять минут назад они были для человека всем на свете - твердыми, как суша, широкими, как проспект, надежными, как сберкасса, вы понимаете, о чем

я говорю? На этих тоненьких веревочках человек прыгал, бегал, как будто по асфальтовой дорожке, попирая всякое представление о невозможности - и мы этому удивлялись, но до конца не могли понять, что были свидетелями прилета марсиан. Поразительно, что оставленные без внимания человека, без его ловких рук и цепких ног, эти сотни повешенных лестниц, лестничек, канатов и веревок производили впечатление ребер - жалких ребер Адама, из которых Бог творил не женщину, а человека с иными возможностями.

Они висели, как повешенные в огромной прозекторской или лавке мясника сухожилия человека, - словно предлагая опытному глазу понять, как из этих орудий смерти может родиться жизнь нового человека - человека, способного летать, парить, падать вниз и не разбиваться. Сразу рождается вопрос. Те, кто рискует своей жизнью, ради чего они это делают? Ответ: ради зрителей - довольно неприятен. Если только ради них, то тогда зритель превращается в монстра. В серийного убийцу, который ради своего удовольствия подвергает опасности сотни человеческих жизней.

Да, да... давайте это признаем. В цирке одни люди рискуют своим здоровьем не ради спасения жизни других людей, а ради их потехи. Какое ужасное уравнение. Что бы его сделать возвышенным - надо предположить, что люди рискуют не ради потехи зрителей, а потому что больше ничего не умеют делать. И тогда все станет на свои места. Цирк станет синонимом риска, а циркачи превратятся в новый сорт людей, в новый вид человеческой расы, которой они по сути и являются.

Каждый раз в детстве, глядя на идущих под куполом цирка тоненьких канатоходцев или перепрыгивающих с трапеции на трапецию хрупких женщин, я задумывался не столько об их мужестве, сколько о производительности смерти, которую они мне демонстрировали косвенным образом: сколько способов она изобрела для того, чтобы уничтожить человека, и сколько контрмер был вынужден придумать человек в ответ, чтобы избежать ее, - он научился сохранять равновесие, ходить по канату, жонглировать, вольтижировать, летать, кувыркаться, крутить сальто-мортале, словно курица на вертеле без вертела, - и это все было цирком.

Если бы меня спросили, что я хочу рассказать своим детям о цирке Никулина, о той программе, которую они создали для зрителя по случаю своего юбилея, я бы сказал, я бы посоветовал посмотреть на братьев Родригес.

В самом этом сочетании «братья Родригес» есть что-то дореволюционное. Только дореволюционный цирк мог похвастаться в своей афише звонкими иностранными монетами. На арену выскочили четверо обтянутых в синее трико парней со смугло-шоколадными лицами. Они производили впечатление гангстеров с обложки журнала. В фигуре одного из